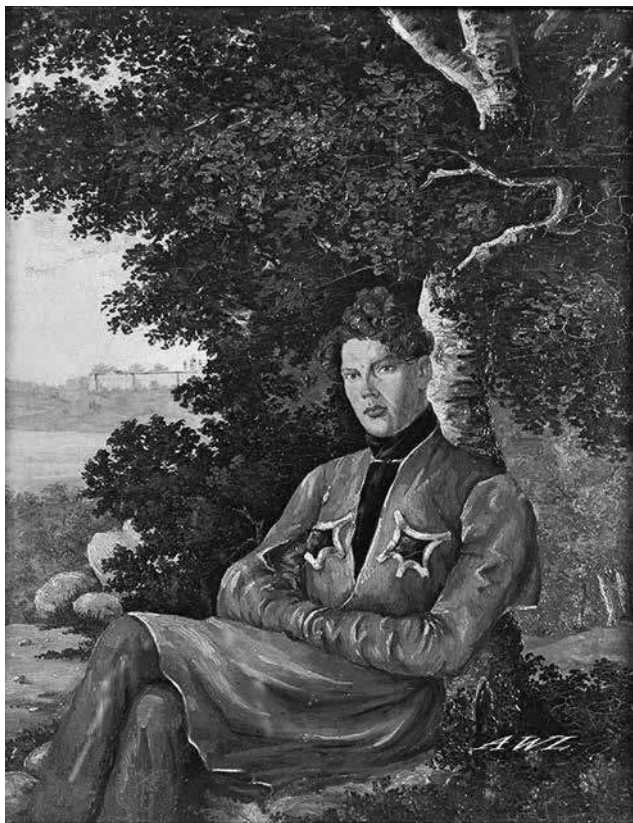

Имя Андрея Николаевича Муравьёва сейчас практически предано забвению. Иногда оно всплывает в связи с язвительной пушкинской эпиграммой о «Бельведерском Митрофане». Между тем это одна из наиболее выдающихся личностей отечественной культуры XIX века: камергер императорского Двора, секретарь при обер-прокуроре Святейшего Синода, православный духовный писатель и историк Церкви, паломник и путешественник. Заметим попутно, что отец его – фактический основатель Генштаба русской армии; три родных брата также оставили след в истории.

Андрей Николаевич Муравьёв.
Портрет работы М.Ю. Лермонтова. 1839

«Муравьев был исполинского роста и приятной наружности. При всей набожности своей он был нрава веселого, сердца доброго, обходителен и любим всеми товарищами, хотя постоянно удалялся от веселых компаний. Он в жизни был весьма воздержан, не пил ни капли никакого вина, любил порядок, чистоту, лошадей и верховую езду», – вспоминали об Андрее Николаевиче современники.

Кстати, именно благодаря Муравьеву, в Петербурге, на Университетской набережной появились знаменитые древнеегипетские сфинксы. А после выхода в свет его книги размышлений «Русская Фиваида на Севере» термин «Русская Фиваида» стал поэтическим названием северных земель, окружающих Вологду и Белозерск.

Впрочем, начинал Муравьев литературную стезю со стихотворчества. Его первый (и последний) сборник «Таврида» был напечатан в 1827 году.

Тщеславие несло молодого офицера в те литературные салоны, где он мог услышать лестные отклики о своих сочинениях. Таким местом оказался московский салон княгини Зинаиды Волконской, «русской Коринны», на углу Тверской и Козицкого переулка. Здесь, кстати, в марте 1827-го и произошла та история, благодаря которой Муравьев получил свою кличку. На одном из вечеров он случайно обломил руку гипсовой статуи Аполлона Бельведерского, стоящей в театральной зале, да ещё и начертал на пьедестале некое оправдательное четверостишие.

Присутствовавший при сём Александр Сергеевич Пушкин вскорости отреагировал:

*Лук звенит, стрела трепещет,
И, клубясь, издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан!*

Андрей Николаевич между тем старательно переводит Вергилия и Тита Ливия, француза Фенелона, пишет одну за другой монументальные пьесы: «Владимир», «Князя Тверские в Златой Орде», «Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине». Но успеха, увы, не добывается.

И совсем иное дело – муравьевское сочинение «Путешествие ко Святым местам в 1830 году», наиболее отделанное и совершенное. Да и немудрено, ведь рукопись просматривали такие столпы, как В.А. Жуковский и митрополит Московский Филарет (Дроздов). Они собственноручно внесли в текст значительную смысловую и стилистическую правку. Помог и цензор О.И. Сенковский, особенно по части истории и обычаев Востока.

Тот же Пушкин проштудировал книгу «с умилением и невольной завистью», а Михаила Юрьевича Лермонтова она вдохновила на написание стихотворения «Ветка Палестины»; впоследствии он исполнил маслом портрет этого доброго своего приятеля.

Книга и сейчас представляет увлекательнейшее чтение. Давайте же немного «попутешествуем» вслед за Муравьевым и «побываем» в Египте.

Старая Александрия. Корнелиус де Бруин, 1681 г.

В 1829 году А.Н. Муравьев состоял при Штабе главнокомандующего русской армией графа И.И. Дибича-Забалканского, был свидетелем заключительного этапа войны с турками и подписания Адрианопольского мира. Но с окончанием боевых действий он не спешит домой. Получив дозволение самого императора Николая I, Андрей Николаевич отправляется в своё первое паломничество по Святым местам.

Из Адрианополя он едет в Бургас, а оттуда на фрегате «Пармен» прямоком в Константинополь.

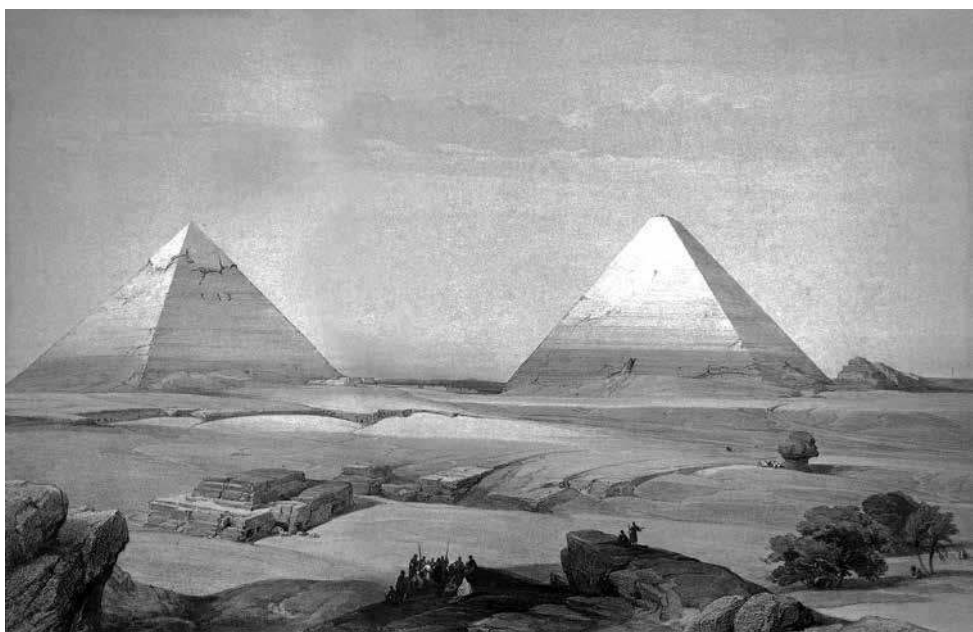
Дальнейшим его намерением было двигаться сразу в Сирию, но как на грех не оказалось ни одного попутного судна. Случай свёл Муравьева с французским консулом в Александрии Россетти, и тот предложил плыть вместе на его корабле. Хотя Египет и не входил в планы нашего паломника, он радостно согласился. Восьмого февраля 1830 года путешественники оставили бывшую византийскую столицу.

И вот корабль несёт их через пролив Дарданеллы, далее мимо бесчисленных островов греческого Архипелага и мимо берегов легендарной Трои, и после двух суток плавания в открытом море причаливает у порта Александрии.

Город этот, бывший когда-то в числе наиболее значительных в античном мире, долгие века потом находился в упадке и лишь с 1820-х годов при умном и энергичном египетском правителе (паше) Мохаммеде-Али вновь начал развиваться. От былой историко-архитектурной славы Александрии практически ничего не сохранилось – лишь два обелиска из розового гранита времён царицы Клеопатры, один стоящий, другой на земле, да ещё исполинская колонна Помпея, одиноко возвышающаяся посреди пустыни...

А внутри старой каменной ограды Муравьев заметил некие гигантские катакомбы с остатками изваяний, затем греческий монастырь во имя Святого Саввы Освящённого, внутри которого показывали место убиения великомученицы Екатерины и большую мечеть, бывшую прежде православным храмом Святого Афанасия Великого.

«Между остатками древнего Египта, которые видел я в Александрии, меня поразил колоссальностью гранитный сфинкс, покрытый иероглифами и привезённый из Фив, где вместе с другим ему подобным лежал ещё недавно близ Мемномиума. Оба сии памятника уже украшают северную столицу нашу».

Примерно такая картина предстала перед А.Н. Муравьевым в Гизе

Через несколько дней Андрей Николаевич поместился на небольшую барку и поплыл вверх по реке жизни – Нилу – до Каира. Путешествие это он описал с известной долей иронии: на крыше задней каюты сидит с трубкой в зубах кормчий и, не видя за большими треугольными парусами направления берегов, беспрестанно спрашивает о том стоящего на носу араба; если вдруг начинает дуть встречный ветер или он вовсе стихает, кормчий посылает тянуть бечеву. Очень часто из-за его неопытности барку бросало на мель, и слабосильные арабы, тщетно подбадривая себя криками, по три часа не могли сдвинуть её с места. «Один русский может смело взять на себя труд десяти человек», – замечает Муравьев.

Наконец показался Каир. Он произвёл на нашего героя неизгладимое впечатление. Настоящая столица Востока! Андрей Николаевич представлялся паше Мохаммеду-Али, получил от него разрешение осматривать в стране всё и вся, главное же, охранную грамоту от нападений диких бедуинских племён.

Теперь надобно немного отдохнуть от шестидневного плавания по жёлтым водам Нила, а после – куда? Конечно же, к «рукотворным горам» – Великим пирамидам, на плато Гиза.

Путешественнику хорошо было ведомо, что в древности эти сооружения покрывала гладкая гранитная «одежда», которая не позволяла любопытствующим насладиться панорамой, открывающейся с их высоты. Но со временем местные жители проникли во внутренность пирамид, а заодно сняли и облицовку. И ныне примерно двести ступенек представляют трудный, однако, вполне возможный восход наверх. Чем Муравьев и не преминул воспользоваться, поднявшись на самую знаменитую и самую высокую пирамиду Хеопса (Хуфу).

«Египет открывается с её вершины, – восхищённо пишет Андрей Николаевич, – я говорю Египет, ибо достаточно одного отрывка из его однообразной картины, чтобы иметь понятие о целом; а здесь, в самой огромной раме, является живописнейший из всех его видов, ибо в других нет Каира и пирамид». Особенно поразительно смотрелась та резкая грань, где плодородная нильская долина с её зелёными полями и финиковыми рощами сменялась жгучими песками мёртвой Ливийской пустыни (на левой стороне) и голой цепью гор Моккотама (на правой). «Нил и Египет – одно и то же. С вершины пирамид можно постигнуть, что был бы Египет без благодатного полноводья Нила».

Муравьёв не преминул, разумеется, забраться и в недра пирамиды, воспользовавшись для сего коридором, пробитом в 820 году по приказанию багдадского халифа аль-Мамуна. Длинная галерея вводит сперва в тесные сени, а из них в погребальную камеру фараона, ради каковой собственно, и выстроена вся громада. Но саркофаг Хеопса давно уже пуст...

Две другие пирамиды также не ушли от внимания нашего путешественника. Пирамида Хефрена (Хафра) единственная сохранила «шапку» облицовки, но та находится в крайне ветхом состоянии, поэтому восхождение на вершину теперь не разрешается. А пирамида Микерина (Менкаура) наиболее поздняя и наиболее низкая из всех – едва 66 метров.

Наконец, Муравьёв поспешил к Сфинксу, который в ту эпоху был ещё завейн песками по самые плечи. «Огромное лицо его обращено к востоку, оно обезображено людьми, отбившими нос его, и временем, от которого камень растрескался и весь в глубоких морщинах, как будто бы и сие чудовище почувствовало свои годы и состарилось в кругу пирамид. Глаза, уши и рот сохранились, хотя и повреждены...» Арабы называют сфинкса Абу эль-Хол (Отцом Ужаса). Наисильнейший страх он внушает им ночью, освещённый яркой луною, когда глубокие тени придают его чертам особую выразительность.

Некоторое время спустя Андрей Николаевич отправился из Каира на юг, вдоль рубежа возделанных полей и голой пустыни, к селению Саккара, где расположены ещё девять пирамид.

Самая крупная среди них, известная ныне как пирамида Джосера, выделялась своими шестью широкими уступами. «...В неё спускаются у самой её подошвы и с трудом, потому что тесное отверстие занесено песками; должно лечь навзничь, и прежде взошедший в оную араб втаскивает за ноги любопытного... Выход ещё труднее; надобно выползать на груди, беспрестанно укатываясь вниз по осыпающемуся песку, и, наконец, бедуины за руки вытаскивают из отверстия утомлённого посетителя». Передвигаясь внутри сооружения, Муравьёв и его спутники в какой-то момент едва не рухнули во мраке в огромную залу, ибо арабы не знали хорошо всех замысловатых коридоров этой редко посещаемой тогда пирамиды.

...Древний Мемфис в течение нескольких тысячелетий был культурным, административным и торговым средоточием Египта. Но что осталось от прежнего его величия? Лишь необъятный некрополь фараонов и знати, протянувшийся от Гизы и вплоть до Дахштура. Множество погребальных колодцев для мумий и священных птиц.

А значительнейший религиозный центр – Гелиополь, Город Солнца? И он не устоял перед ветрами перемен. Единственный свидетель славного прошлого – высокий обелиск Сенусерта I.

Пирамида Джосера (Саггара)

Но разве мог Муравьёв обойти вниманием христианские святыни Египта? В старой части Каира он посетил древнейшие монастыри – греческий мужской во имя Святого великомученика Георгия и соседний с ним, одноимённый, женский, принадлежащий Коптской Церкви. Внутри последнего, как пишет Муравьёв, «есть в полу отверстие; несколько ступеней сводят в подземное святилище, где грот, обращённый в церковь, украшен малыми столбами. Там Святое Семейство четыре года спасалось от вражды Ирода, и там протекли первые младенческие лета Спасителя».

Монастырский комплекс сохранился и поныне, хотя насельников тут практически не осталось. (К слову, греческая Георгиевская обитель изначально тоже была женской, о чём прямо говорят записи русского путешественника XVI века Василия Позднякова: «А в старом Египте [Каире] большая церковь святой страстотерпец Георгий, монастырь девич; а в церкви на левой стороне... написан образ Георгий страстотерпец, за решеткою медяною. Много же чудеса и исцеления бывают от того образа».)

В селении Аль-Матария Муравьёву показали ветхую смоковницу – под ней, говорят, укрывались от жары Иосиф, Мария и маленький Иисус. То дерево сейчас, разумеется, засохло, однако рядом в 1906 году посадили новое.

С большим почётом гость из далёкой России был принят Александрийским Патриархом Иерофеем, который по его желанию служил две обедни – во второе воскресенье Великого поста и в неделю Крестопоклонную.

Одна из древнейших Восточных Церквей переживала в ту пору бесконечную вражду с коптами, и под управлением её оставались лишь два монастыря: каирский Святого Георгия и Святого Саввы в Александрии, искони пользовавшиеся подавниями наших царей. «Я нашёл в архивах патриарших подлинные грамоты государей: Алексея Михайловича, Петра и Иоанна и императрицы Анны – и списки, скреплённые впоследствии Св. синодом».

Три недели провёл Муравьёв в Египте, а после двинулся через Синайскую пустыню в вожделенную Палестину, дабы встретить светлый праздник Пасхи в храме Гроба Господня.

Между тем получила своё счастливое продолжение история со сфинксами, замеченными Андреем Николаевичем в начале своего путешествия.

Давным-давно эти чудовища в двойных коронах Верхнего и Нижнего Египта стерегли заупокойный храм фараона Аменхотепа III в Фивах. А потом всё оказалось разграбленным и заброшенным, толстый слой песка и ила занёс руины некогда блистательной столицы.

Протекли столетия. И вот в конце 1820-х годов в районе Фив англичанами велись археологические раскопки, и первой находкой оказалась та самая пара прекрасно сохранившихся сфинксов. Одного из них британский консул отправил на продажу в Александрию, где его и увидел А.Н. Муравьёв. Увидел и загорелся желанием приобрести уникальные изваяния для России.

Но статуи были оценены в 100 000 франков, и на покупку нужно было получить разрешение непосредственно у Николая I. Пока письмо Муравьёва, сообщавшее о редкой находке, дошло до Петербурга, пока о нём доложили императору, а тот передал его на рассмотрение в Академию художеств, пока совет Академии одобрил муравьёвское прошение, пока нужная бумага догнала путешествовавшего государя и он наложил окончательную резолюцию, скульптуры едва не купила Франция. И не стоять бы сфинксам на невской набережной, если бы не июльская революция. Французскому правительству стало не до покупок исторических ценностей, и тут, уж не мешкая, Россия купила сфинксов за 64 000 рублей ассигнациями.

Таманский сфинкс (Эрмитаж)

Машины, весом 23 тонны каждая, погрузили на специально зафрахтованный итальянский парусник «Buona Speranza» («Добрая Надежда»), при этом была выпилена часть палубы. К сожалению, не обошлось без накладок. При погрузке одного сфинкса лопнули тросы, и он упал, расколов в щепки мачту и борт судна. На лице статуи остался глубокий след от каната, который позднее заделали.

Так или иначе, сфинксы с величайшей осторожностью отправились с берегов Нила к берегам Невы и прибыли на место в конце мая 1832 года – 185 лет назад. До 1834-го они находились в саду Академии художеств, а когда была готова большая гранитная пристань с пологим спуском к воде (архитектор К.А. Тон), скульптуры установили по её краям на массивных постаментах. Надписи, высеченные на них, известны, полагаем, многим:

Вид Невы у спуска Академии художеств. Фердинанд Виктор Перро, 1841 г.

**«СФИНКСЪ ИЗ ДРЕВНИХ ФИВЪ ВЪ ЕГИПТЕ ПЕРЕВЕЗЕНЪ
ВЪ ГРАДЪ СВЯТАГО ПЕТРА ВЪ 1832 ГОДУ».**

С той поры сфинксы так и стоят над Невой, провожая серьёзными взглядами проплывающие по реке корабли, и вспоминают своё долгое каменное бытие. А когда наступает зима, Нева замерзает и сфинксов заносит холодным белым снегом, они думают о знойном египетском солнце, вечных пирамидах, божественном фараоне и о том, как бесконечна жизнь.

Недаром об этом писал ещё Валерий Брюсов:

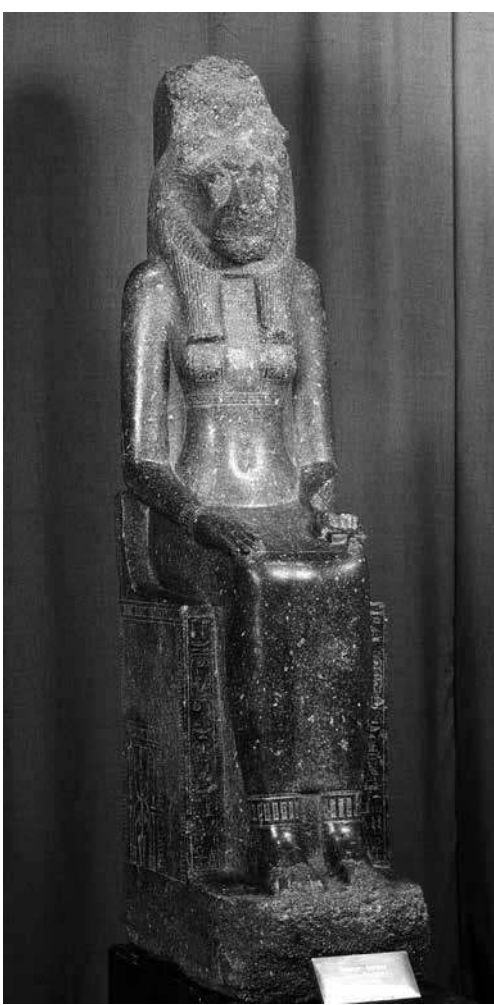
*Глаза в глаза вперив, безмолвны,
Исполнены святой тоски,
Они как будто слышат волны
Иной торжественной реки.*

*Для них, детей тысячелетий,
Лишь сон – виденья этих мест...*

.....
*И, видя, что багряным диском
На запад солнце склонено,
Они мечтают, как – давно –
В песках, над падшим обелиском,
Горело золотом оно.*

Выход «Путешествия ко Святым местам...» послужил иным современникам стимулом для аналогичных поездок. Одним из них в 1834–1836 годах стал Авраам Сергеевич Норов – государственный деятель, учёный и литератор. Семнадцатилетним прапорщиком-артиллеристом он лишился половины ноги в Бородинском сражении, что, впрочем, не помешало ему теперь даже взобраться на вершину пирамиды Хеопса.

Мут-Сохмет (Эрмитаж)

В Фивах, в развалинах Карнакского комплекса храмов путешественник увидел откопанную гранитную статую Мут-Сохмет, страшной львиноголовой богини войны и палящего солнца, дочери Ра. Когда-то подобных изваяний, вырубленных по приказу Аменхотепа III, здесь было почти 600 (!), но уцелела только вот эта. Норов, как и Муравьёв, пленился своеобразной красотой египетской пластики и тотчас купил скульптуру у местных властей за шесть тысяч франков, чтобы «перевезти на родной Север, не во гнев Изиде и Озирису, но из сожаления к драгоценным остаткам великих Фив, поруганных варварами». Правда, Авраам Сергеевич поначалу ошибся с идентификацией, приняв божество как раз за Исиду.

В момент транспортировки статуи по Нилу, в Дендерах, произошёл любопытный случай: «Одна молодая арабская дама в сопровождении нескольких самсов проезжала на роскошно убранном лошаке возле берега, где была причалена моя дагабия; она была поражена видом приобретённой мною в Фивах статуи богини, которая

занимала почти всю палубу. Остановясь, она послала просить позволения войти на дагабию, и мои люди поспешили пригласить её. Подойдя к статуе, она долго смотрела на неё в задумчивости, потом стала на колени, набожно поцеловала её в грудь и удалилась со слезами на глазах. Мой кавас сказал мне, что образованный класс в Египте приписывает чудесные силы древним изваяниям Египта, полагая, что они сделаны руками гениев. Одна старая женщина из свиты этой дамы сказала, что её госпожа молилась о прекращении её неплодия... Другие местные женщины приходили толпами прощаться со статуей, пели вокруг неё, и какой-то старик говорил речь».

Из Александрии скульптуру морем доставили в Одессу, а оттуда, на санях, в Петербург. Сие вместе вылилось ещё в шесть тысяч.

Уже в столице Норов поведал обо всём А.С. Пушкину. Сильно впечатлённый поэт промолвил: «Какую чудную поэму можно было бы создать из этого эпизода...» и специально пошёл взглянуть на «Исиду», находившуюся тогда под лестницей в Академии художеств. И если верить мемуарам, Александр Сергеевич высказался однажды, что лица сфинксов на набережной «часто

стоят перед ним, как загадка, которую нужно разрешить, с их странною улыбкою и повелительным взглядом».

Спустя пятнадцать лет двухметровая Мут-Сохмет «перекочевала» в только что открытый для публичного доступа Императорский Эрмитаж, где и обрела вторую жизнь в окружении близких ей по духу экспонатов. Заметим, что это один из самых старых в России памятников искусства далёкой страны фараонов.

Р.С. Кстати, когда «муравьёвские» сфинксы добрались до Петербурга, город уже несколько лет украшали их, если можно так выразиться, собратья – на цепном Египетском мосту через Фонтанку, у теперешнего Лермонтовского проспекта. (Ведь после похода Наполеона в Египет интерес к этой древнейшей цивилизации стал всеобщим.) Но, несмотря на название сооружения, тамошние сфинксы уже из греческой мифологии – отсюда их мягкий, женственный облик, холодная красота лиц, высокая полуобнажённая грудь. Автор четырёх чугунных статуй – известный скульптор П.П. Соколов.

А в эрмитажной коллекции есть удивительный по сохранности «Таманский сфинкс» – античный фигурный флакон-лекиф для ароматических масел.

Впрочем, это уже совсем другая история.

Сфинкс на Египетском мосту